

**ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
АСИММЕТРИИ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(на материале русского и чешского языков)**

0. Под понятием «языковая асимметрия» понимаются возможные случаи межъязыковых функциональных диспропорций системно соотносительных языковых средств. Как известно, даже в родственных языках функциональный объем системно соотносительных средств выражения полностью не перекрывается ([Широкова 1998]; [Chlupáčová 1974]; [Isačenko 1957]; [Mathesius 1961] и др.). До сих пор, однако, отсутствует целостное представление об имплицитивном воздействии межъязыковых асимметричных явлений на языковую систему в целом и ее отдельные звенья в частности. Исследование обозначенной проблемы не может, разумеется, ограничиваться лишь эмпирическим восприятием языковых фактов. Решение этого вопроса требует правильного методического подхода к изучаемым реалиям и исключения априорных предпосылок из окончательных обобщающих выводов.

1. Исследование проблемы межъязыковой асимметрии требует решения ряда принципиальных вопросов, а именно:

- а) выявление причин, обуславливающих явления асимметрии в сопоставляемых языках;
- б) определение функционального объема системно соотносительных языковых феноменов и установление их системной значимости;
- в) уяснение возможностей имплицитивного потенциала асимметричных явлений;
- г) отбор результатов исследования межъязыковой функциональной асимметрии для контенсивной (семантической) функциональной типологии.

Анализ межъязыковых асимметричных явлений предоставляет также важную информацию о соотношении в сопоставляемых языках отдельных типов средств выражения. Конкретно имеется в виду частотность специализированных / неспециализированных средств, случаи транспозиции грамматических категорий, функционирование десемантизированных грамматических форм, особенности использования сопоставляемыми языками плеоназма, т. е. по сути дела избыточных средств выражения, и т. п. ([Гак 1983: 89]).

Остановимся несколько подробнее на некоторых обозначенных вопросах.

2. Синхронное изучение языков, позволяющее оставить в стороне вопросы возникновения языковой системы и ее составляющих, дает возможность функциональную межъязыковую асимметрию генетически родственных языков, согласно данной выше трактовке, определить как явление узувальное, считать ее результатом «языковых привычек». В этой связи уместно еще раз вспомнить меткое высказывание известного чешского литератора и переводчика П. Айзнера относительно узуса категории числа существительных в чешском языке на фоне общеславянского континуума: «...чешский язык изобилует фактами, свидетельствующими об особой любви чешского человека к плюралистическому называнию и выражению мыслей» [Eisner 1946: 94]. Следует сказать, что эта «любовь», как уже неоднократно нами отмечалось ([Васильева 1998: 135; 2003: 15–16]), проявляется в разных плоскостях: в топонимии, в различного рода назывных конструкциях, в способах объективации реальных числовых значений. Что касается русского языка, то он, по сравнению с чешским, использует потенциал формы множественного числа в меньшей мере. Подтвердим наше предположение лишь несколькими примерами (хотя их число можно свободно увеличить) из области повседневной коммуникации: *Lidi, neblázněte, vždyť jsou tady ryby!* – *Люди, не сходите с ума, ведь здесь водится рыба! То слыším poprvé, že Moravské vinařské závody povolávají na svičení* – *Первый раз слышу, что Моравский винодельческий комбинат объявляет переподготовку кадров; Hlavu vzhůru, pamatujte, že vám patří budoucnost!* – *Выше голову, помните, вам принадлежит будущее!; Kam jste říkal, abych si strčil své bohaté životní zkušenosti?* – *Куда, вы сказали, мне нужно деть свой богатый жизненный опыт?*

Результатом склонности чешского языка к плюрализации является то, что нейтрализация числовой оппозиции существительных встречается реже, чем в русском языке. В то время как чешский язык старается реальную множественность объективировать в большинстве случаев формой множественного числа, русский язык в тех же самых условиях чаще использует форму единственного числа ([Васильева 2003: 15–16]). Это дает право заключить, что способы объективации числовых отношений в русском и чешском языках соотносятся между собой с проявлением асимметричного использования маркированной (чаще в чешском) и немаркированной (чаще в русском) грамматических форм числа существительных. Иными словами, если для чешского языка показательно стремление пере-

дать значение множественности эксплицитно, сохранить количественную конкретизацию, то для русского, в свою очередь, очевидно желание использовать немаркированную форму и тем самым выразить то же самое значение недифференцированно. Такое межъязыковое своеобразие можно, на наш взгляд, квалифицировать как типологически значимое.

Склонность языка к узуальной плюрализации порождает, в частности, десемантизированные формы множественного числа, выполняющие чисто номинативную функцию, т. е. использующиеся в качестве словообразовательных аффиксов. Различия в этом отношении между русским и чешским языками наиболее ярко проявляются при сравнении заимствованных топонимов:

чешский язык	русский язык
<i>Sopoty</i>	<i>Сопот</i>
<i>Tyroly</i>	<i>Тироль</i>
<i>Antverpy</i>	<i>Антверпен</i>
<i>Špicberky</i>	<i>Шпицберген</i>
<i>Benátky</i>	<i>Венеция</i>
<i>Bavory</i>	<i>Бавария</i>
<i>Lurdy</i>	<i>Лурд</i>
<i>Flandry</i>	<i>Фландрия</i> и многие другие.

3. Примечательно, что соотносительность маркированной грамматической формы в чешском языке с немаркированной в русском прослеживается не только в предметной номинации, но и в глагольной. Показательны в этом отношении результаты сопоставления областей функционирования категории вида в обоих языках. Если чешский язык стремится последовательно выражать направленность действия на достижение определенного результата эксплицитно, используя, таким образом, формы совершенного вида, то русский язык часто репрезентирует результативность действия имплицитно, используя формы несовершенного вида. Корреляция маркированных видовых форм в чешском, как, впрочем, и в других западнославянских языках [Широкова 1992: 30], и немаркированных в русском со всей очевидностью прослеживается в прошедшем времени при наличии квантификаторов кратности действия. Случаи межъязыковой видовой асимметрии довольно широко описаны в лингвистической литературе. Для иллюстрации ограничимся лишь несколькими примерами:

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

чешский язык	русский язык
<i>Málokdy <u>se usmál.</u></i>	<i>Он редко когда <u>улыбался.</u></i>
<i>Vždycky <u>si dal dvě piva.</u></i>	<i>Он всегда <u>выпивал по две кружки пива.</u></i>
<i>Každoročně <u>si vyjeli do ciziny.</u></i>	<i>Они каждый год <u>выезжали за границу.</u></i>
<i>Občas <u>se ozval výstřel.</u></i>	<i>Иногда <u>раздавался выстрел.</u></i>

Таким образом, в указанных и подобных ситуациях очевидны различия между двумя родственными языками в направлении конкретности / обобщенности представления действия.

4. Узуальный характер межъязыковой функциональной асимметрии очевиден, хотя и не всегда столь прозрачен, и в случаях транспозиции грамматических категорий, в их вторичных функциях. Так, например, функционально-семантическими эквивалентами чешских инфинитивных конструкций со значением желательности, выполняющих по сути функцию кондиционала, в русском являются императивные конструкции:

чешский язык	русский язык
<i><u>Vědět to dříve, všechno bych zařídil jinak.</u></i>	<i><u>Знай я это раньше, все устроил бы иначе.</u></i>
<i><u>Mít peníze, jel bych k moři.</u></i>	<i><u>Имей я деньги, поехал бы на море.</u></i>
<i><u>Nebýt vás, byli bychom v úzkých.</u></i>	<i><u>Не будь вас, мы бы были в затруднительном положении.</u></i>

В указанных и подобных случаях русский язык не использует инфинитивные конструкции, в отличие от чешского языка, хотя функциональный объем русского инфинитива не препятствует их употреблению для выражения желательности. Ср.: *Пить! Прибавить шагу! Как бы не опоздать!* и т. п.

5. Языковой узус не является, однако, категорией чисто лингвистической. Он отражает факты социальные и культурологические, требует знания экстралингвистических факторов, так же как и знания исторического развития языка. Подтверждением сказанного является, кроме прочего, процесс развития деривационной системы в сопоставляемых языках. В ней нашли отражение отличительные особенности развития двух родственных языков ([Копецкий 1972: 152]). Результаты дивергентных тенденций в развитии чешского и русского языков, обусловленные, в частности, и социальными факторами, явились причиной межъязыковой функциональной деривационной асимметрии, которая на сегодняшний день оказывает существенное

импликативное влияние на всю систему двух генетически родствен­ных языков ([Vasiljevo­vá 2002: 85–89]).

6. Наименее разработанной и изученной проблемой продолжает оста­ваться синтаксическая асимметрия, несмотря на высокий уровень развития чешской и русской синтаксической науки.

На фоне общей системной соотносительности синтаксических кон­струкций частотность структур, тождественных в смысловом и структурном отношении, далеко не одинакова. Подтверждением это­го могут служить, наряду с другими, конструкции, обозначающие природные явления, типа: *svítá – светаем, mží – моросит, přítuhuje – подмораживает, krápe – накрапывает, lije jako z konve – льет как из ведра, mrzne – морозит* и т. д. Языковые факты, однако, свидетель­ствуют о том, что чешский язык чаще, чем русский, в указанных и подобных случаях использует возвратные конструкции. Ср.: *stmívá se – темнеет, oteplilo se – потеплело, ochladilo se – похолодало, vy­jasňuje se – светлеет / проясняется, rozednívá se – рассветаем* и т. д. Русский язык, в свою очередь, использует личные конструкции там, где чешский язык отдает предпочтение безличным конструкциям: *гром гремит – hřmí, молния сверкает – blýská se, на улице ветер – venku fouká, надвигалась буря – schylovalo se k bouři, в поле хлебá побилó градом – v poli potlouklo, прошел маленький дождь – trochu sprchlo* и т. д. Соотносительность личных и безличных конструкций означает, что тождественное мыслительное содержание объективи­руется или расчлененно – в данном случае в русском языке, или не­расчлененно – в чешском.

7. Анализ различий в способах объективации тождественного мыс­лительного содержания, существующих в чешском и русском язы­ках, позволяет воссоздать более или менее целостный семантиче­ский и структурный образ отдельных звеньев понятийного континуума. Для чешского языка, например, характерна, бóльшая лексическая «насыщенность» понятийных пространств, что импли­цировано прежде всего значительно большей, чем в русском языке, деривационной активностью. С другой стороны, и бóльшая полисе­мия, которая является одним из результатов этой деривационной активности, имплицирует менее дифференцированную по сравне­нию с аналитическими номинациями сегментацию внеязыковой дей­ствительности.

На грамматическом уровне межъязыковые диспропорции при сег­ментации внеязыковой материи обнаруживаются, в частности, в процессе языковой объективации разного рода прагматических ус­тановок, таких как желание, просьба, предупреждение, совет и др.

Одной из причин межъязыковой асимметрии в данном случае являются существующие различия в функциональных объемах чешского и русского кондиционала. Область функционирования чешского кондиционала покрывает собой те смысловые сегменты, которые в русском языке могут выражаться императивными, индикативными и инфинитивными структурами. Ср.:

чешский язык	русский язык
<i>Abyste nezmeškali vlak!</i>	<i>Смотрите, не опоздайте на поезд!</i>
<i>Abyste nenastydli!</i>	<i>Смотрите, не простудитесь!</i>
<i>Neměli bychom tam jet?</i>	<i>Не поехать ли нам туда?</i>
<i>Přeji, abyste se uzdravil.</i>	<i>Я желаю вам поправиться.</i>
<i>Nepůjčil bys mi tu knihu?</i>	<i>Ты не одолжишь мне эту книгу?</i>

Очевидно, что те смыслы, которые в русском языке имеют дифференцированное выражение, в чешском языке выражаются недифференцированно.

8. Изложенные факты, несмотря на их фрагментарность, могут послужить импульсом к комплексному рассмотрению явлений межъязыковой функциональной асимметрии. Его результаты будут полезны для достижения методологической завершенности сопоставительных исследований. Это значит, что выявление и осмысление асимметричных фактов на фоне общей соотносительности языковых систем позволят сформировать целостное представление о специфике взаимодействия объективных и субъективных факторов в каждом языке. Направленность исследования на установление и изучение качественно-количественных различий в функциональных объемах отдельных звеньев генетически родственных языковых систем может дать ценные сведения для функциональной типологии. Так, отмеченные выше более широкие функциональные границы немаркированных форм числа существительных и глагольного вида в русском языке свидетельствуют о склонности к более обобщенной репрезентации смыслов по сравнению с формами маркированными. Высокий деривационный потенциал языка с неизбежностью имплицитирует означивание объектов реальной действительности с меньшей степенью конкретизации по сравнению с номинациями аналитическими. Грамматический плеоназм в одном языке (и его отсутствие в другом) может использоваться как особое средство маркированности высказывания. Ср. чеш.: *Věděl jsem to* – *Я знал это*; *Já jsem to věděl* – *Я знал (что так случится)*.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

В заключение следует добавить, что многоаспектное изучение проблем межъязыковой функциональной асимметрии, безусловно, поможет высветить черты политипологичности родственных языков в тесной связи с их национальной спецификой.

Л и т е р а т у р а

- Васильева 1998 – *Васильева В. Ф.* Предметная номинация в русском и чешском языках. Сопоставительный аспект // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.
- Васильева 2003 – *Васильева В. Ф.* Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2003. № 2.
- Гак 1983 – *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
- Копецкий 1972 – *Копецký L. V., Bezděk J., Forman M., Kout J.* Пособие по лексикологии русского языка. Praha, 1972.
- Широкова 1992 – *Широкова А. Г.* Системно-функциональная и узальная эквивалентность при сопоставительном изучении славянских языков // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1992. № 4.
- Широкова 1998 – *Широкова А. Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.
- Eisner 1946 – *Eisner P.* Chrám a tvrz. Praha, 1946.
- Chlupáčová 1974 – *Chlupáčová K.* Některé otázky konfrontační charakteristiky pojmenování // Bulletin ruského jazyka a literatury. Praha, 1974. Sv. XVIII.
- Isačenko 1957 – *Isačenko A.* Obecné zákonitosti a národní specifická ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků // K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků. Praha, 1957.
- Mathesius 1961 – *Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistického. Praha, 1961.
- Vasiljevová 2002 – *Vasiljevová V.* Substantivní derivace v češtině a v ruštině z hlediska konfrontační lingvistiky // Čeština: univerzália a specifika. Praha, 2002.